

Home

Archive

Получать уведомления

rebelzine

Мне никогда не нравилось предположение, что, дескать, мы можем привлечь людей к участию в революционной политике лишь «объяснив» им всё и «разложив всё по полочкам». Получается так, словно бы люди становятся сознательными, воинственно настроенными и готовыми вступить в борьбу за новое общество лишь после того, как мы раскроем им глаза на происходящее и подкрепим свои слова тщательным структурным анализом. Я называю подобный подход «словесным фетишизмом», но в принципе можно назвать его и просто рационализмом.

Вместе с тем, не трудно заметить, что в нашем обществе для людей недостаточно одних лишь «объяснений», пусть правильных и детальных. Часто людей привлекают в политику совершенно иррациональные вещи — особенно символика, несущая в себе мощную нагрузку.

В качестве примера можно обратиться к истории подъёма и падения весьма причудливой и необычной политической группы Луиса Фаррахаана, который декларировал совершенно бредовый мистицизм, апеллировавший на каком-то животном уровне к самоуважению, самосовершенствованию, гордости и противодействию политическому отчуждению. Или возьмём, например, огромную массу людей, которые буквально ворвались в политическую жизнь в ходе «Арабской весны». Процесс освобождения начинался у них, как правило, с восприятия глубоко резонирувавшего в них клича «Аллаху Акбар!» и с наивной веры в справедливость шариатских законов.

Откуда же столь мощное воздействие символов? Светский рационализм обычно предполагает (иногда безапелляционно), что «неправильные идеи» порождаются неким смещением невежества и производимой извне идеологической обработки (классовыми врагами, конечно же). Таким образом, предполагается, что противодействием этому является «вколачивание» несознательным правильных идей. И тут, конечно, имеется определённое зерно истины. Нам действительно нужно проповедовать коммунизм и, словно первые христиане, страстно доносить истину — но подобный подход, в то же время, грешит однобокостью. Иными словами, рационализм несколько плоско рассматривает людей, их идеи и культуру — что подтверждается и его неудачами на этом поприще.

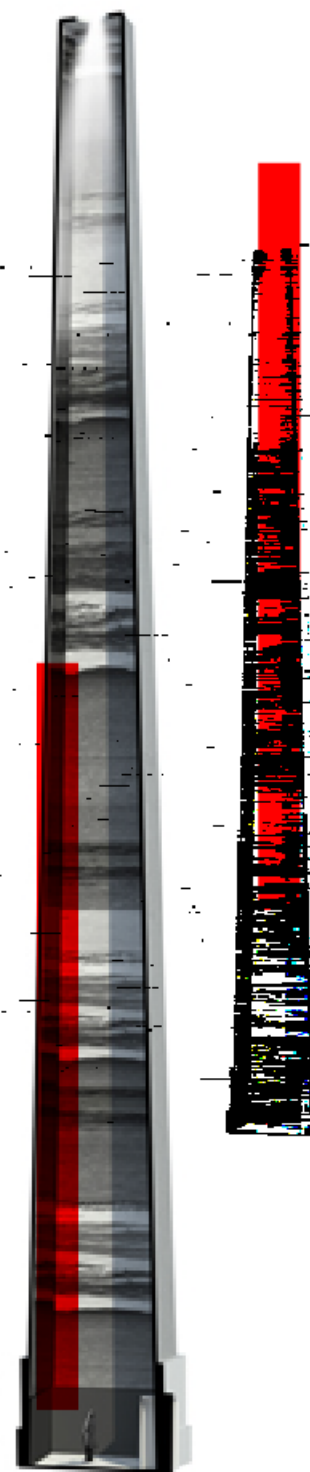
Конечно, я верю в силу революционных идей и в необходимость рациональных объяснений. Я считаю, что революционная теория сыграет важную роль в формировании нового революционного движения. И всё же меня всегда возмущал сформировавшийся у нас стереотип бойца коммунистического движения, который «лишь продаёт газеты на улице». В конце концов, я же ведь и сам всю свою жизнь писал, издавал, редактировал, продвигал и финансировал радикальные газеты. Но сейчас нам следует развиваться дальше — быть более радикальными, привлекать внимание людей, стать настоящим медиacentром, предоставляющим людям новости, мнение, анализ, сатиру, юмор и теорию. Но... несмотря на всё это, нам в то же время следует создавать новые революционные медиаресурсы, которые уже не будут столь же наивно воспроизводить рационализм прошлого.

Чего нам не хватало

Символ настолько же важен в политике, как и анализ. Политические взгляды привлекают людей и на интуитивном уровне, и на уровне культуры. Свою роль играет и вербальная «победа над врагом» — а для этого нам необходимо без малейшего страха заявлять о своих убеждениях. С другой стороны, нашу аудиторию скорее привлечёт масса разнообразных культурных и социальных центров «притяжения внимания», побеждающих отнюдь не с помощью слова. По-моему, Ленин замечательно сказал о том, что угнетённые и пробудившиеся приходят, чтобы знать «как им жить и как умирать», а не только во что им верить. Реальный процесс формирования социальной базы требует от нас, чтобы мы учились также и у собственной аудитории (то есть «у народа»), а не только учили. Мао называл данный процесс следованием «линии масс».

Я имею в виду то, что политические движения должны опираться на столь востребованное ныне в изолированном и атомизированном обществе чувство общности, усиливая его. Движению, стремящемуся к созданию общества нового типа, необходимы для этого мощные символы и ритуалы, помогающие человеку не рациональными способами выразить свои убеждения и обрести определённый смысл своих действий. Людям необходимы способы выражения их мировоззрения и морали «живые» и узнаваемые другими — а не просто трактаты, в которых излагается данное мировоззрение и мораль. В данном случае я имею в виду такие понятия, как бунтарство наперекор респектабельности, интернационализм, любовь к людям, самопожертвование, солидарность, критическое мышление, научная методология, честность, преданность делу служения истине и т. д.

Нам нужно понять, почему фразы, типа «Аллаху Акбар!» и «Свобода — сейчас!» оказывают столь мощное воздействие в качестве символов. Нам нужно идентифицировать те темы из сферы культуры, которые оказывают сейчас мощное влияние на недовольных и мечтателей всего мира. Идентифицировав эти темы, необходимо дать им оценку, чтобы определить возможность их применения (в большинстве случаев это предполагает их неизбежную трансформацию) в рамках нашего проекта борьбы за глубинные социальные перемены и освобождение.

«Храм Перспективы» Тома Гринолла и Джордана Ходджсона. Это художественное изображение земной истории и нашего места в ней (в слое столбе), представленное как визуальный монумент. (Обратите внимание на человека внизу для масштаба). Светское изучение смысла, контекста и трюка.

Для того чтобы иметь успех, радикальная политика должна глубоко проникать в сознание, пробуждая определённые воспоминания и ассоциации. Все без исключения успешные революционные движения использовали символы, обладавшие мощным воздействием. В частности, «Чёрные пантеры» в США были весьма талантливы в том, что касалось изобретения и создания политической символики. Чернокожие мужчины и женщины, затянутые в кожаные куртки, в беретах и с оружием оказывали в контексте того времени мощное воздействие даже одним своим видом, вынуждая учащенно биться сердца миллионов. Когда «Пантеры» предупреждали своих врагов и последователей, одними и теми же словами: «Горе тем, кто не умеет плавать» — в них была поэтика анализа и анализ поэтики. Или ещё один пример — знаменитый лозунг «Пантер»: «Власть народу!» — он постоянно возрождается и возвращается к нам вновь и вновь. Несмотря на все недостатки Эддриджа Кливера, нам следует изучать его тактику создания новых символов и мощных лозунгов, популяризации идей и способов оживления политики без излишнего интеллектуального перегруза.

Очевидно, что мы не можем только лишь по новому использовать популярные ранее символы: ведь нужно понимать, почему и как символы меняют со временем своё изначальное значение. Лозунги типа «Чёрное — это прекрасно», «Выпадai из системы — расширай сознание» несли в шестидесятые годы мощный смысловой заряд и привлекали миллионы людей, родившихся в расистско-конформистских 1950-х. Даже если они и не несли явное политическое содержание (согласно стереотипному представлению о политических лозунгах), они помогли создать предпосылки для развития массового политического движения. А затем, спустя десять лет, панк стал аналогичным образом выстраивать собственную концепцию на отрицании лозунга хиппи «мир и любовь», и нашёл новые способы выражения, новые символы и собственный язык для передачи повстанческих настроений. Хип-хоп породил собственную эстетику и собственный язык, отражавший гнев и гордость улицы.

Время не стоит на месте, и новые символы обретают способность оказывать на людей мощное воздействие. В связи с этим, сам факт быстрых и резких перемен в сфере культуры выдвигает весьма серьёзные требования к нашей собственной креативности. Мы должны не спать и постоянно прислушиваться: о чём говорят вокруг, что шепчет ветер. Мы должны быть достаточно креативными для того чтобы уметь воспринять и использовать новые формы, чтобы суметь их ухватить, адаптировать под себя и воспользоваться их потенциальной силой.

Короче говоря — нам нужно воспринимать сам проект по созданию альтернативного посткапиталистического общества не только на уровне концепции и анализа. Он должен выходить за рамки таких вопросов, как разрушение старой государственной машины, экономическое планирование, пересмотр границ ради автономии и освобождения народов и т. д. — несмотря на всю их важность. Нам также нужно развивать (и не только декларировать, но и практиковать) альтернативную мораль и придать новый смысл самой человеческой жизни (вместо нынешней капиталистической «волчьей» морали и вместо атомизирующего буржуазного смысла существования, сводящегося к индивидуальному накопительству, личному удовольствию или, что касается религиозных групп, — личному спасению). Данный проект включает в себя определение самой «сферы эксперимента» вокруг нас, в которой мы, совместно с другими, можем пытаться практиковать и совершенствовать символизм и новую мораль — что должно презентовать другим наше движение и быть провозвестником общества нового типа (некий аналог яньаньских баз Мао, ставших примером для остального повстанческого Китая).

Некоторые из этих сфер эксперимента находятся внутри протестного движения — там, где люди объединяют свои усилия и требуют перемен, но они находятся не только там.

Коммунистический ритуал, ч. 1

У меня был друг, выросший в католической семье. Он вступил в нашу маоистскую организацию «Революционный союз». У нас был организационный сбор, на котором мы обсуждали принципы политического единства, разногласия, наше прошлое и наши ожидания от движения, обсуждали текущую политическую обстановку, и так далее. Затем мы сказали этому товарищу, что отныне он принят в наши ряды, и сообщили когда и где будет следующее собрание.

Он посмотрел на нас разочарованно с тревогой. «И что? — спросил он — Это всё? И никаких церемоний? Никакого посвящения? И не нужно приносить никакой клятвы? Не будет никакого торжественного празднования по поводу принятия нового члена сообщества? Никакого ритуала посвящения в тайные методы и никаких процедур вступления? Никакой передачи сакральных артефактов? Ни тебе тайных знаков? Ни внутреннего кода поведения?»

Он был явно разочарован — ему казалось, что его приняли не окончательно. Ведь он прошёл через важнейшие «ворота» в своей жизни — он сделал сознательный, обдуманый выбор посвятить свою жизнь борьбе за права угнетённых и за новый мир, что для него (как и для нас) было... всем. А мы — наше движение — никак не отметили, не обозначили и не отпраздновали этот момент. Мы даже не знали, как это вообще делается.

Фундаменталисты приветствуют присоединяющихся к их группам людей с помощью обрядов перерождения или крещения, во время которых произносятся определённые слова и совершаются действия, которые являются весьма значимыми для многих людей на протяжении веков. Каждая существовавшая в истории группировка определённым образом приветствовала прозелита, определяя его идентичность и принадлежность к данному сообществу. С самого нашего возникновения как человеческого вида стали развиваться разнообразные похоронные ритуалы и обряды, оказывавшие на людей мощное воздействие. Фундаменталисты часто говорят людям, у которых произошло какое-нибудь несчастье или возникли проблемы, о необходимости «переродиться». Католики тщательно проработали сложный механизм конфирмации. Многие социальные группы разрабатывали различные способы выразить этот важный момент. Ну а мы, на начальной стадии нашего нового коммунистического движения в 1970-х годах, не придавали особого значения этим вещам. Мы придавали значение лишь словам, которые определяли нас, разъясняли нашу позицию, и использовали почти сплошную юридическую терминологию (устав, соглашение, обязательства, согласие с базовыми принципами, дисциплина).

Мы не воспринимали (причем воинственно) необходимость разработки символов и культурных маркеров, весьма важных в действительности для самоопределения людей.

Сейчас, на начальной стадии нового проекта, нам, с одной стороны не нужно переусердствовать и превратиться в некую революционную пародию на масонов. И, тем не менее, нам нужны такие обряды и ритуалы.

Мы часто даже не знаем, как говорить о подобных вещах — при том, что в нашем движении как раз хватает болтовни. Обычно мы ограничиваемся фразами, типа: «нас более не связывают цепи традиции», — что само по себе является лишь заявлением об отрицании, но не предполагает креативного, критического утверждения. Если нас не связывает традиция, то что тогда нас связывает вместе? И как нам выразить эту связь? Каким образом возникает подобная связь, когда убеждения ограниченного круга революционеров вдруг становятся господствующими в целых сообществах людей? В коммунистической практике существуют определенные элементы, которые можно использовать в данном случае в качестве отправной точки. Например, кое-что можно взять из эссе Мао «Против либерализма», в котором от революционеров требуется быть честными и прямолинейными, или маоистскую практику коллективной критики и самокритики для предотвращения совершения ошибок («Выдержки из произведений», гл. XXVII).

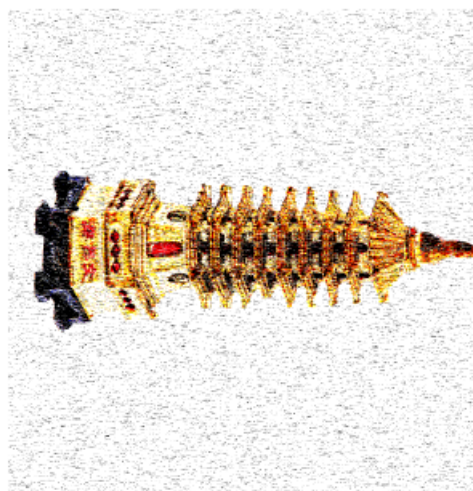
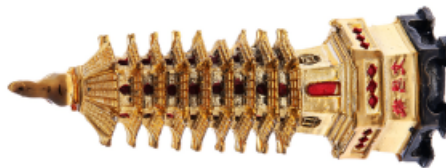
Коммунистический ритуал, ч. 2

Я как-то присутствовал на конференции молодых коммунистов и услышал там, как наш юный брат спрашивал совет у ветерана движения о том, как «правильно» начать сексуальные отношения с девушкой.

В этом было нечто трогательное: он был уверен, что мужчины постоянно пытаются флиртовать с женщинами в нашем движении. Он говорил, что нашему движению нужны девушки — а они не должны при этом чувствовать, что одинокие мужчины вокруг смотрят на них, просто как на «новую телку». Этот товарищ хотел начать свои отношения с девушкой лишь в соответствии с принятыми у нас ценностями и обычаями касательно данного вопроса. К сожалению, он вступил в движение, в котором никто не задумывался над тем, чтобы определить, какие же у нас ценности и обычаи. Данный вопрос вообще никогда не обсуждался. Не было ни дебатов, ни надлежащего анализа, ни каких-либо эссе, посвященных столь важным в жизни каждого человека аспектам, как рождение, ухаживание, свадьба, интимная близость, экспериментирование, ежедневная солидарность, воспитание детей, помощь при болезни или смерти. Не было принято никаких форм празднования дней рождения и проведения фестивалей.

Живое революционное движение должно развиваться внутри новой революционной культуры (речь идёт не только об искусстве, но и о повседневной культуре человеческого бытия и символических формах её отображения). Новое революционное движение должно аккумулировать, практиковать, распространять и обсуждать различные проявления новой «мудрости», которая поможет людям представить (причём сейчас), как именно общество нового типа будет справляться с различными противоречиями, возникающими в процессе человеческой жизни.

Культуру подобного рода, конечно, нельзя изобрести с нуля, следуя лишь определённой схеме — ведь мы, как и общество в целом, не представляем собой «чистый лист». Но ведь, с другой стороны, культуру создают живые люди — создают и перевосоздают, совершенствуют и затем трансформируют в постоянном процессе экспериментирования, который мы должны приветствовать и в котором должны участвовать.

Майк Или, перевод Дмитрия Колесника

Итак — что же мы можем почерпнуть из этого текста? Несмотря на сомнительные примеры двух его последних частей, можно сказать, что идея автора заслуживает внимания, но беда в том, что она столь же часто игнорируется нашими товарищами. Причины этого лежат на поверхности — довольно заманчива перспектива остаться пророком на фоне “непонимающего” народа и вопрос в том, что в позиции наивного реализма в равной степени господствуют бесполезность и пресловутая ритуальность.

Способны ли мы убежать от символов? Не думается. Наше дело состоит в том, чтобы приспособить символы, чтобы создать ритуальность порывающую с ритуальностью, пробраться в ее сердце для твердого удара, войти к ней в доверие. Нет оправданий забывчивости на пути к переменам, но перемены не могут прийти на голые камни — наша стихия это общество, и оно обладает набором установившихся исторически граней. Поэтому придется работать с ними, не с невинной истиной, как бы она не была верна. Здесь хочется защититься от бесполезных обсуждений и открыто сказать, что правда и разум ни в коем случае не должны быть отвергнуты. Но вместо того, чтобы играть в бесконечную корриду, проще и эффективней запрячь такого быка в свой плуг — правильные идеи должны стать понятными, близкими, культурно необходимыми для масс.

Примеры, приведенные товарищем из США не следует воспринимать как железные правила его подхода. Внимательный читатель поймет, что они выражают лишь поиск и наблюдение, спускаются в Тартар, чтобы провести людей к свету. Именно поэтому они выглядят для нас странно и глубоко настораживают, ведь этот опыт проведен не нами, не в нашем обществе и сообществе. Здесь было бы весьма полезно выслушать предложения и наблюдения читателей, которые могли бы быть продуктивными на этом пути.

Вместе с тем остается и самое важное, не сказанное в тексте, или сказанное в недостаточной мере — “ритуальность” коммунизма не должна подразумевать под собой слепое копирование отживших и подыхающих культов. В пример можно привести печальные факты полу-обожествления и героизации больших личностей, лидеров и деятелей. Но нас привлекает такой ритуал, который является не молитвой, а частью новой культуры, который служит цементной основой коллектива и его вдохновителем. Это песня, это язык, это стиль и манящий облик — не магия, а психология. В такой интерпретации нам близок ритуал исполнения “Интернационала”, содержащий акт воодушевления, но не молитвенное забвение. Проблема в том, что со времен “Интернационала” наша политическая культура произвела не так уж много привлекательных образов.